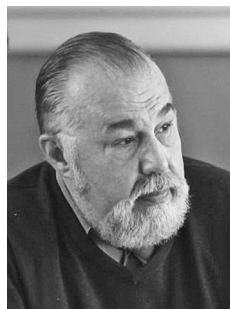

НАВСТРЕЧУ 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ СОБОЛЕВ

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vlad_history@mail.ru

Дневник академика А.В. Никитенко как источник по истории Санкт-Петербургской академии наук (1853–1877)

УДК: 94(47)

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-7-17

Дневник академика А.В. Никитенко (1826–1877) является уникальным источником по истории политики, общественной жизни, культуры и науки России XIX столетия. Он хорошо известен специалистам и много раз использовался при подготовке работ по отечественной истории.

Автор дневника с 1853 по 1877 г. являлся членом Санкт-Петербургской академии наук, и поэтому среди дневниковых записей за этот период регулярно появлялись и записи о деятельности Академии. Это позволяет считать дневник ценным и интересным источником по истории науки в России. До настоящего времени этот аспект содержания источника не являлся объектом специального исследования, и наша статья является первой попыткой восполнить этот пробел.

Ключевые слова: наука в России, история науки, Академия наук, академик А.В. Никитенко, дневник, документальный источник.

Александр Васильевич Никитенко (1805–1877) являлся государственным деятелем, действительным членом Санкт-Петербургской академии наук, профессором

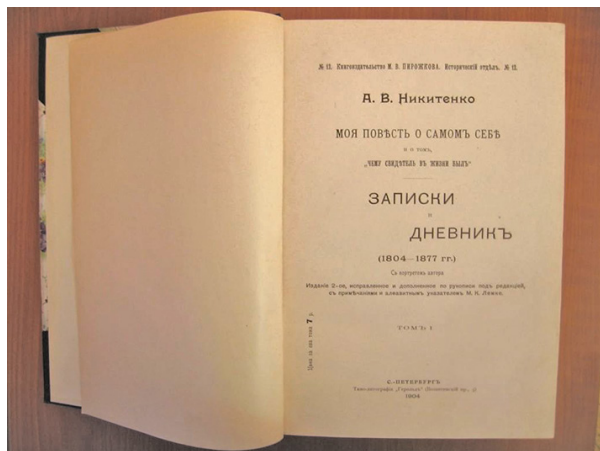
А.В. Никитенко
A.V. Nikitenko

Петербургского университета, историком литературы. С 1826 г. и до своей кончины в 1877 г. А.В. Никитенко системно и ответственно вел «Дневник», который был издан уже после смерти автора под названием «Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был». «Дневник» является уникальным источником по истории политики, общественной жизни, культуры и науки России XIX столетия. Отечественным историкам он хорошо известен и десятки раз использовался при подготовке научных работ по самым разным проблемам истории государства Российского.

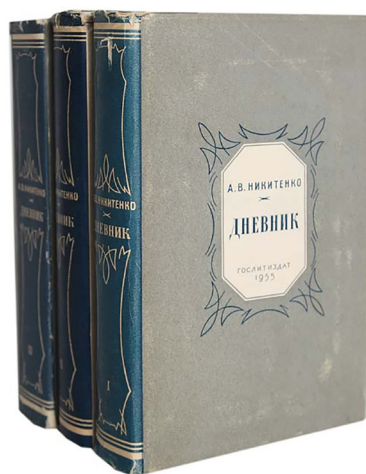
В настоящей статье мы попытались раскрыть только один из аспектов этой обширной тематики — вопрос о деятельности Санкт-Петербургской академии наук. До настоящего времени он еще не попадал в поле зрения историков науки и не являлся объектом специального исследования. В своей работе мы использовали трехтомную публикацию «Дневника» 1955 г.¹ Общий объем трех томов составляет 111 печатных листов, или 1433 страницы.

А.В. Никитенко в 1853 г. был избран членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Академии наук (далее — ОРЯС), а в 1855 г. стал ординарным академиком по ОРЯС [*Российская академия наук*, 1999, с. 171]. С этого времени среди дневниковых записей по самым разным вопросам жизни, окружавшей автора, достаточно регулярно стали появляться и записи о его деятельности в Академии наук. В ходе работы по подготовке данной статьи нами был изучен текст «Дневни-

¹ *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 1: 1826–1857, Т. 2: 1858–1865, Т. 3: 1866–1877. Л.: ГИХЛ, 1955 (далее — Дневник).

Первое издание дневника А.В. Никитенко
The first edition of A.V. Nikitenko's diary

Издание дневника
А.В. Никитенко 1955 г.
A.V. Nikitenko's diary,
edition of 1955

ка» за период с 1853 по 1877 г., т. е. за 24 года; его объем составляет 590 страниц. В результате этого удалось выявить более 200 записей, в которых, с разной полнотой и информативностью, были представлены материалы по истории Академии наук. Выявленные материалы были систематизированы по предметному признаку. С известной долей условности их можно подразделить на несколько главных тем: «Деятельность Академии наук», «Выборы в Академию», «Взаимоотношения между учеными», «Биография автора».

Формат нашей статьи позволил привести в качестве примеров текста и прокомментировать ряд фрагментов из записей по двум темам:

- «Деятельность Академии наук»;
- «Выборы в Академию».

Свои основные исследования ученые проводили в стенах Академии наук, результаты их регулярно обсуждались на заседаниях Отделений и Общего собрания Академии. Так, в дневниковой записи от 8 октября 1858 г. рассказывается о работе членов ОРЯС по редактированию текста нового издания — «Словаря церковнославянского и русского языка»: «Каждое почти слово разбирается в заседании. Работа обещает быть нескончаемой. Но Отделению хочется сделать что-нибудь осязаемое и значимое»². Это издание «Словаря» вышло в свет только в 1867 г.

Вызывает интерес и заседание ОРЯС, проходившее 16 марта 1861 г., где обсуждался доклад автора «Дневника» — «О преподавании философии в наших университетах»³. В докладе говорилось о необходимости восстановления преподавания философии в университетах. Здесь следует сделать небольшой экскурс в историю этого вопроса. В 1850 г., в результате очередного усиления реакционности внутренней политики Николая I, правительством было запрещено преподавание философии в университетах и заменено изучением логики и психологии. Тогда император

² Дневник. Т. 2. С. 38–39.

³ Там же. С. 180.

Экслибрис А.В. Никитенко
A.V. Nikitenko's ex libris

Отделении главным рецензентом по драматическим произведениям, и это обстоятельство, конечно, нашло отражение в «Дневнике». На заседании ОРЯС 2 августа 1863 г. произошла полемика по вопросу присуждения премии А.Н. Островскому за его драму «Грех да беда на кого не живет». В «Дневнике» отмечено, что И.И. Срезневский «противился этому с яростью». А А.В. Никитенко, в свою очередь, настаивал на присуждении. Он говорил, в частности, следующее: «Островский у нас один поддерживает драматическую литературу и пьеса его не только лучшая в настоящее время, но и безотносительно отличается замечательными драматическими достоинствами»⁴. Большинство членов ОРЯС (шесть голосов против двух) согласились с мнением автора «Дневника».

Дневниковые записи передают нам подлинный драматизм, который возникал иногда в ходе обсуждения вопроса о премии. Так, несколько месяцев продолжались споры о присуждении этой награды А.К. Толстому за драму «Смерть Иоанна Грозного». Первый раз этот вопрос обсуждался на заседании Отделения 11 февраля 1866 г.⁵ Рецензент А.В. Никитенко считал, что А.К. Толстой достоин Уваровской премии: «Это человек с большим талантом и написал очень хорошую вещь». Но «против Толстого составила сильная коалиция» и вопрос этот тогда решен не был.

⁴ Там же. С. 355.

⁵ Дневник. Т. 3. С. 16.

Николай I следующим образом сформулировал свое отношение к этой проблеме: «Это одна модная чепуха. Министру народного просвещения мне донести, отчего подобный вздор преподается». А.В. Никитенко в своем докладе, в частности, отметил, что подобное отношение государственной власти к высшей школе недопустимо: «Университеты наши, очевидно, клонятся к упадку. Юношество в них деморализовано, одним словом полное оскудение». Коллеги по ОРЯС выразили докладчику, как тогда говорили, «свое полное сочувствие» в этом вопросе.

Одной из важных функций в деятельности ОРЯС были организация и проведение ежегодных конкурсов на присуждение Уваровских премий. Эта знаменитая и почетная награда была учреждена сыном министра народного просвещения А.С. Уваровым в 1856 г. в память об отце. Присуждалась она «за сочинения по русской истории и за драматические произведения», а роль своеобразного арбитра была поручена ОРЯС. А.В. Никитенко многие годы являлся в

Повторное обсуждение проходило уже на заседании 9 сентября⁶. По итогам тайного голосования премия так и не была присуждена. Присутствовали семь академиков, четверо проголосовали за присуждение, но трое были против, а по уставу требовалось набрать две трети голосов. А.В. Никитенко с горечью констатировал: «Итак, трагедия не увенчана, вышло дело постыдное».

Как уже указывалось выше, в соответствии с волей учредителя премии А.С. Уварова она присуждалась не только за драматические произведения, но за «сочинения по русской истории». В записи от 25 сентября 1872 г. говорится о шести лауреатах премии, получивших ее в этот год за сочинения по истории⁷:

- 1) *Павлов А.С.* «Исторический очерк секуляризации церковных земель в России»;
- 2) *Богданович М.И.* «История царствования императора Александра I и Россия в его время»;
- 3) *Костомаров Н.И.* «Последние годы Речи Посполитой»;
- 4) *Поленов Д.В.* «Исторические сведения об Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения»;
- 5) *Горчаков М.И.* «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода»;
- 6) *Невоструев К.И.* «Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века».

В образовательно-научном пространстве России Академия наук считалась признанным центром культуры и науки, носительницей глубоких традиций в этой сфере. В связи с этим руководство Академии придавало большое значение и уделяло должное внимание организации таких научных мероприятий, которые бы имели общественный резонанс и значимость. В частности, проведению открытых научных диспутов. Дневниковая запись от 27 марта 1860 г. посвящена публичному диспуту между двумя известными историками Н.И. Костомаровым и М.П. Погодиным «О происхождении Руси». Первый считал, что корни следует искать в Литве (Жмуди), а второй являлся представителем норманнской теории и находил начало в Скандинавии. А.В. Никитенко написал об этом событии следующее: «Диспут происходил в большой Университетской зале, народу собралось великое множество. Студенты раздражались неистовыми рукоплесканиями, преимущественно в честь Костомарова». Далее автор посетовал на то, что «животворная истина так и не была достигнута». А присутствовавший на диспуте известный поэт князь П.А. Вяземский выразился еще более радикально: «Прежде мы не знали, куда идем, а теперь не знаем и откуда»⁸.

О другом научном диспуте, проходившем в Большом зале Академии наук в мае 1863 г., А.В. Никитенко рассказал в записи от 1 июня того же года. На этот раз предметом научного спора между академическими учеными И.И. Срезневским и М.П. Погодиным стал вопрос «О происхождении русской письменности». Причем М.П. Погодин считал Кирилла и Мефодия «изобретателями славянской письменности и переводчиками Священного Писания», а И.И. Срезневский полагал, что «...славяне и до Кирилла и Мефодия, и до принятия христианства, писали грече-

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 251–252.

⁸ Дневник. Т. 2. С. 113.

скими буквами и имели Славянское евангелие». Автор «Дневника» с некоторым сожалением констатировал: «Оба, как обыкновенно, остались при своих мнениях»⁹.

Ученые, в своем стремлении развивать и укреплять давние культурные и научные традиции Академии наук, использовали для этого любую возможность, или, как говорится, «любую трибуну». В этом плане, как нам кажется, интересна запись от 1 октября 1868 г. об участии А.В. Никитенко в торжественном мероприятии, посвященном «спуску на воду нового военного броненосного корабля». В событии участвовали сам император, большое число крупных чиновников и военных, представители общественности. Нас интересует содержание речи, с которой выступил автор «Дневника» на банкете по этому поводу. Он, в частности, сказал следующее: «Зрелище, при котором мы только что присутствовали, есть дело науки, ее строгих приложений и выводов, результат ее огромных успехов. В нашем отечестве необходимо процветание всякой рациональной, наукой руководимой деятельности»¹⁰.

Академия наук считала важной и актуальной составляющей своей основной деятельности организацию и проведение торжественных научных мероприятий, связанных с юбилейными и памятными датами истории науки — юбилеями ученых и деятелей культуры, а также научных учреждений. Считалось, что эти инициативы позволяют поддерживать на достойном уровне авторитет Академии в обществе, показывают значимость принципа преемственности в науке, являются одним из проявлений глубоких культурных традиций. В своих дневниковых записях А.В. Никитенко неоднократно обращался к этой теме.

С большой торжественностью Академией отмечалось 100-летие со дня рождения Н.М. Карамзина. На Общем собрании Академии, проходившее 1 декабря 1866 г., прибыли, в частности, наследник престола, великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, ряд государственных деятелей¹¹. Академик К.Я. Грот посчитал необходимым отметить следующее: «Юбилейная речь М.П. Погодина вызвала неоднократные взрывы рукоплесканий и вообще была принята с восторгом, особенно те места, где он резюмировал известные неизданные сочинения Карамзина о “Древней и Новой России”» [Грот, 1910, с. 998].

В январе 1868 г. на Общем собрании Академии обсуждался вопрос о праздновании 100-летия со дня рождения И.А. Крылова. По предложению А.В. Никитенко этот юбилей был объявлен общеакадемическим, а не только делом ОРЯС¹². Ученый по этому поводу сказал следующее: «Крылов оказал огромные услуги отеческому языку своими произведениями, и он составляет часть нашей всенародной славы». Собрание согласилось с этим мнением. Было решено на торжественном акте прочесть четыре доклада: «Черты литературной деятельности Крылова» К.Я. Грота, «О языке Крылова» И.И. Срезневского, «О переводе басен Крылова на иностранные языки» А.Ф. Бычкова, «О баснях Крылова в художественном отношении» А.В. Никитенко.

А.В. Никитенко выступил с большой речью на торжественном Общем собрании Академии, проходившем в декабре 1870 г., в честь 100-летнего юбилея М.М. Сперанского. Автор «Дневника» говорил об этом событии следующее: «Над речью этою

⁹ Там же. С. 337.

¹⁰ Дневник. Т. 3. С. 131–132.

¹¹ Там же. С. 60

¹² Там же. С. 111–112.

работал очень усердно, справлялся, между прочим, в бумагах Сперанского в Публичной библиотеке и проч. Эта великая личность меня очень интересует» [Никитенко, 1872, с. 2].

А.В. Никитенко принимал участие и в праздновании юбилеев научных учреждений. Прочтем записи от 25 и 27 ноября 1870 г., в которых говорится о 50-летию Артиллерийской академии: «Торжества в Михайловской академии, где я некогда читал русскую словесность. Я избран ее почетным членом. Депутации от двадцати двух учреждений с поздравительными адресами. Первая депутация от Академии наук, я прочитал адрес хорошо. Мне награда — золотая с бриллиантами и с вензелем государя табакерка»¹³.

А вот описание 100-летия Горного института, по записям от 21 и 22 октября 1873 г.¹⁴ «Я назначен депутатом от Академии наук для поднесения поздравительного адреса, мною же написанного. Депутаций от разных учебных заведений и обществ было несметное количество. Публики ленточной и звездоносной собралось множество (В России высшие императорские ордена и ордена первых степеней имели следующие знаки: соответствующие крест, звезда и муаровая широкая лента, «через плечо». — *Прим. авт.*)»).

Страницы «Дневника» донесли до нас описания не только значительных событий из истории Академии наук, иногда автор его оставлял для будущего отражение и заурядных фактов из повседневной жизни, но они являются ценным дополнением и делают общую картину более конкретной. Приведем несколько примеров в этом плане. В записи от 28 ноября 1863 г. А.В. Никитенко выразил сожаление о том, что пропустил одно из заседаний ОРЯС и поэтому «напрасно только потерял восемь рублей»¹⁵. Вопрос о «восьми рублях» имеет свою довольно долгую историю. Дело в том, что созданной Е.Р. Дашковой в 1783 г. Российской академии государственная власть не выделила никаких бюджетных ассигнований и члены этой Академии должны были работать в ней «на общественных началах». Правда, за каждое посещение заседания Академии ее члену выдавался памятный серебряный жетон. Кроме того, ученые могли получать гонорары за свои научные труды, изданные под грифом Академии. В 1841 г. Российская академия была преобразована в Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Санкт-Петербургской академии наук. Но и после этого государственная власть не смогла обеспечить жалованьем академиков — членов ОРЯС. Руководству Академии удалось добиться для них только некоторой компенсации, и им за каждое посещение заседания начали выплачивать по восемь рублей (эти деньги называли «пожетонными», в память о «дашковских» жетонах). Академия наук неоднократно обращалась к верховной власти с просьбами исправить это ненормальное положение. На это потребовалось 28 лет и решен вопрос был только в период президентства Ф.П. Литке: в июне 1869 г. министром народного просвещения Д.А. Толстым был установлен, наконец, новый порядок оплаты труда академиков — членов ОРЯС, было решено выплачивать каждому из них по 1 200 рублей ежегодно¹⁶. Одновременно была утверждена и штатная числен-

¹³ Там же. С. 188–189.

¹⁴ Там же. С. 299.

¹⁵ Дневник. Т. 2. С. 381.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 380. Л. 133–134.

ность ОРЯС — шесть академиков. Кстати, А.В. Никитенко стал одним из этих первых шести ученых.

О другом интересном эпизоде рассказывается в записи от 26 декабря 1862 г. А.В. Никитенко должен был на заседании ОРЯС сделать доклад — отчет о деятельности Отделения за истекший год. «По заведенному обычаю» автору следовало предварительно прочитать отчет президенту Академии наук Д.Н. Блудову, и он прибыл с этой целью домой к своему патрону. Далее все это выглядело следующим образом: «Только я развернул тетрадь и едва успел прочесть несколько строк, — рассказывает А.В. Никитенко, — почтенный старик заснул. Что мне было делать? Кое-как и в десять минут я кончил чтение: “очень хорошо”, — сказал он, проснувшись»¹⁷.

Историка науки может заинтересовать рассказ автора «Дневника» еще об одном занимательном факте, зафиксированном в ноябре 1865 г. на Общем собрании Академии. На нем президент Академии Ф.П. Литке неожиданно для собравшихся предложил уничтожить знаменитый Готторпский глобус, так как «он занимает только напрасно большое место»¹⁸. Ученые посчитали возможным не согласиться тогда с мнением своего руководителя и отважного мореплавателя. В частности, академик А.В. Никитенко сказал, что «...следует сохранить эту почтенную историческую реликвию».

Автор «Дневника» неоднократно обращался к теме выборов в Академию наук. Совершенно очевидно, что этот вопрос очень интересовал и волновал научное общество. Прежде всего, факт избрания в члены Академии наук в России традиционно являлся одной из высших оценок и признанием больших заслуг ученого; а во-вторых, членство в Академии приносило избраннику очень весомые материальные доходы. По действовавшему до самой революции 1917 г. Уставу АН 1836 г., жалованье ординарного академика составляло 5 000 рублей в год, кроме того, полагалась еще и «прибавка прослужившим более 20 лет — 1 000 руб.» [Соболев, 2015, с. 175].

Иногда выборы проходили спокойно, без всяких осложнений. И, соответственно, дневниковые записи отражают такие их результаты. Читаем запись от 2 августа 1863 г.: «На Общем собрании избрали в экстраординарные академики Ф.В. Овсянникова по физиологии и Л.И. Шренка по зоологии»¹⁹. Или, с видимым удовлетворением, А.В. Никитенко отметил 13 декабря 1873 г., что «...в заседании ОРЯС избраны в члены-корреспонденты графы Л.Н. Толстой и А.К. Толстой»²⁰.

Но часто выборы проходили в сложной обстановке и отражали противостояние различных мнений и оценок. Так, конфликтная ситуация сложилась в Академии в октябре 1871 г. в результате избрания А.Н. Пыпина «в адъюнкты по креслу истории»²¹. Ученый был выбран на заседании Отделения, но пройти «через горнило» Общего собрания ему не удалось. Противники А.Н. Пыпина следующим образом сформулировали свой главный довод: «Почему же не избрали Н.И. Костомарова, который и есть настоящий деятель по русской истории?» Заметим, что автор «Дневника» также разделял эту точку зрения. Для разрешения спорной ситуации пре-

¹⁷ Дневник. Т. 2. С. 306.

¹⁸ Там же. С. 543.

¹⁹ Там же. С. 355.

²⁰ Дневник. Т. 3. С. 302.

²¹ Там же. С. 214, 219.

зидентом Академии была создана специальная комиссия. Вопрос этот был решен только в конце декабря 1871 г., когда упомянутая комиссия «признала за лучшее, чтобы А.Н. Пыпин сам отказался от звания академика». Это он и сделал.

Большой общественный резонанс имел факт неизбрания в Академию наук выдающегося ученого И.М. Сеченова. Запись от 17 марта 1874 г. рассказывает нам об этом неприятном эпизоде: «...утверждают, что Академия поступила очень несправедливо, не выбрав своим членом Сеченова»²². Однако сам А.В. Никитенко был согласен с подобным решением и твердо отстаивал свое мнение: «...добиваясь популярности, Сеченов распространял в обществе вредные материалистические гипотезы и сбивал с толку наших юношей»²³. Сам И.М. Сеченов позднее следующим образом вспоминал об этом событии: «...мне стало известно, что в Отделении я был избран. Но через несколько дней мне сообщили, что президент Академии наложил на мое избрание Veto и я не был допущен до баллотировки в Общем собрании» [*Автобиографические записки И.М. Сеченова*, 1907, с. 165].

«Дневник» донес до нас и сведения о редких случаях, когда ученые находили возможность проявлять известную независимость своих взглядов от власти. В записях от 12 и 14 декабря 1863 г. говорится об одном таком эпизоде. Президент Академии Д.Н. Блудов предложил к избранию в члены-корреспонденты ОРЯС известного реакционного журналиста М.Н. Каткова. Автор отметил следующее: «Отделение и вся Академия, сильно на это негодует. Разумеется, я не могу быть на стороне М.Н. Каткова»²⁴. Через несколько дней ученые, наконец, нашли благоприятное решение этого вопроса: «От Каткова мы кое-как отделались, представив причину, что комплект членов-корреспондентов уже полон и нет вакансий, хотя, собственно говоря, это не причина»²⁵.

В декабре 1866 г. в Академии произошло аналогичное «происшествие», нашедшее отражение в записи от 9 декабря. Президент Академии Ф.П. Литке предложил Общему собранию выбрать в почетные члены сразу четырех министров России: народного просвещения — Д.А. Толстого, военного — Д.А. Милютин, внутренних дел — П.А. Валуева, государственных имуществ — А.А. Зеленого. В результате баллотировки были избраны «только два первых». П.А. Валуеву «накидали черных шаров и избрание не состоялось», а А.А. Зеленого президент Академии «уже не захотел баллотировать». Автор «Дневника» резюмировал это следующим образом: «Президент сам виноват. Не следует предлагать некоторых лиц, не удостоверившись прежде в успехе»²⁶.

В настоящей статье представлены первые результаты изучения текста «Дневника» А.В. Никитенко в историко-научном плане. Главное внимание было уделено истории деятельности Санкт-Петербургской академии наук. Объектами изучения, наших наблюдений и комментариев стали фрагменты текстов целого ряда дневниковых записей, сделанных автором за годы его членства в Академии. Полагаем, что материал, приведенный в статье, позволяет сделать основной вывод о том, что

²² Там же. С. 310.

²³ Там же.

²⁴ Дневник. Т. 2. С. 386–387.

²⁵ Там же. С. 387.

²⁶ Дневник. Т. 3. С. 62–63.

«Дневник» является ценным и информативным источником по истории академической науки во второй половине XIX в.

Источники

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 1: 1826–1857; Т. 2: 1858–1865; Т. 3: 1866–1877. Л.: ГИХЛ, 1955. 1433 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 380.

Литература

Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Научное слово, 1907. 195 с.

Грот К.Я. Дни Карамзинского юбилея 1866 года // Исторический вестник. 1910. № 3. С. 997–999.

Никитенко А.В. Воспоминание о М.М. Сперанском. Речь, произнесенная в годичном собрании Академии наук 29 декабря. СПб.: Тип. ИАН, 1872. 18 с.

Российская Академия наук. Список членов Академии. 1724–1999. М.: Наука, 1999. 544 с.

Соболев В.С. Во главе первого ученого общества империи. Нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН, 1725–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2015. 184 с.

Diary of Academician A.V. Nikitenko as a Source on the History of St. Petersburg Academy of Sciences (1826–1877)

VLADIMIR S. SOBOLEV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: vlad_history@mail.ru

Diary of Academician A.V. Nikitenko (1826–1877) is a unique source on political history, public life, culture, and science in Russia of the 19th century. Specialists know this document very well and have been using it in their work on Russian history.

The author of the diary was a member of the St. Petersburg Academy of Sciences from 1853 to 1877. That is why entries about the activities of the Academy of Sciences regularly appeared on the pages of the diary during this period. This allows us to consider the diary a valuable and interesting source on the history of science in Russia. Until now, this aspect of the diary has not been the object of a special study. Our article is the first attempt to fill this gap.

Keywords: science in Russia, history of science, Academy of Sciences, Academician A.V. Nikitenko, diary, documentary source.

References

Avtobiograficheskiye (1907) *zapiski Ivana Mikhaylovicha Sechenova* [Autobiographical notes of Ivan M. Sechenov], Moskva: Nauchnoye slovo [in Russian].

Grot, K.Ya. (1910). Dni Karamzinskogo yubileya [Days of Karamzin's yubilee], *Istoricheskiy vestnik*, no. 3, 997–999 [in Russian].

Nikitenko, A.V. (1872). *Vospominaniye o M.M. Speranskom. Rech, proiznesennaya v godichnom sobranii Akademii nauk 29 dekabrya* [Reminiscences of M.M. Speransky. Speech on the annual meeting of the Academy of sciences], S.-Peterburg: Tip. IAN [in Russian].

Nikitenko, A.V. (1955). *Dnevnik* [Diary], vol. 1: 1826–1857, vol. 2: 1858–1865, vol. 3: 1866–1877, Leningrad: GIKhL [in Russian].

Rossiyskaya (1999) *Akademiya nauk. Spisok chlenov Akademii. 1724–1999* [Russian Academy of Sciences. List of members of the Academy. 1724–1999], Moskva: Nauka [in Russian].

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive], f. 733, op. 142, d. 380 [in Russian].

Sobolev, V.S. (2015). *Vo glave pervogo uchenogo obshchestva imperii. Normativno-pravovyye osnovy deyatelnosti prezidentov RAN, 1725–1917 gg.* [At the head of the first empire scientific society. Normative-legislative base of the Academy presidents' activities], S.-Peterburg: Nestor-Istoriya [in Russian].